

ВРЕМЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Язык выступает интерпретатором, алгебраическим выражением (Д.С. Лихачев) всей культуры нации. Время, будучи одной из составляющих культуры, отражается и в языке. Следовательно, языковое время (отраженное в конкретных языковых фактах) является частью языковой картины мира. Языковая картина мира является понятием более узким, чем просто картина мира, и под ней мы будем понимать выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную деятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум (Шведова, 1999: 15).

В лингвистике наблюдается разнообразие подходов к трактовке категории времени. Исторически первыми являются попытки объяснить время как одну из грамматических категорий глагола на примере конкретных языков (античное языкознание; лингвистические работы средневековых европейских, арабских и японских ученых; грамматика русского языка М.В. Ломоносова).

Стремление выйти за пределы временной системы одного языка, создать универсальную временную матрицу, объясняющую реально и потенциально существующие временные формы, отражено в работах О. Есперсена, Х. Рейхенбаха, Н. Хорнштейна, Б. Комри, А. Прайера. О. Есперсен делает попытку организовать в систему грамматические времена в языке. Он четко разделяет времена на главные и подчиненные подразделения времени, рассматривая способы их выражения в различных языках. Дальнейшая идея о подобном разделении времен получает развитие в труде Х. Рейхенбаха, который для объяснения классификации грамматических времен вводит понятия моментов времени: моментов события, речи и референции. На основе отношений между этими моментами строится его система времен. Использо-

вая введенное им понятие базовых временных структур, Н. Хорнштейн также развивает тематику темпорального синтаксиса, исходя из трех моментов времени и их взаимоотношений.

Изучение времени как части языковой картины мира и само понятие языковой картины мира восходят к трудам В. фон Гумбольдта, который высказал мнение о том, что многие из представлений человека детерминированы тем языком, на котором он говорит. Представления о языке как о духе народа были позднее развиты последователями Гумбольдта – в Европе Л. Вайсгербером, Г. Ипсеном, В. Порцигом, Й. Триром; в США Ф. Боасом, С. Лэмом, Э. Сепиром, Б.Л. Уорфом; в России А.Н. Афанасьевым, Ф.И. Буслаевым и, особенно, А.А. Потебней.

Главный постулат гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа состоит в том, что мы воспринимаем мир через призму своего родного языка. По Э. Сепиру, язык, являясь средством выражения в данном обществе, не просто играет роль руководителя в «социальной действительности», но «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» (Сепир, 2003: 130-131).

Утверждая, что грамматика языка оказывает влияние на формирование мыслей говорящего на данном языке человека, Б.Л. Уорф объясняет этот факт тем, что для определенного речевого коллектива вступает в силу соглашение, обуславливающее систематизацию и классификацию мира через языковую систему, хранящуюся в нашем сознании. Как следствие, мы связаны определенными способами интерпретации действительности, даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными (Уорф, 2003: 209-210).

Факт существования разнообразных средств для выражения времени в языках мира

позволил Б.Л. Уорфу высказать мысль, что понятия «времени» и «материи» не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. «Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились. Они зависят не столько от какой-либо одной системы в пределах грамматической структуры языка, сколько от способов анализа и обозначения восприятия, которые закрепляются в языке как отдельные «манеры речи» и накладываются на типичные грамматические категории так, что подобная «манера» может включать в себя лексические, морфологические, синтаксические и т.п., в других случаях совершенно несовместимые средства языка, соотносящиеся друг с другом в определенной последовательности» (Уорф, 2003: 199).

Уорф пришел к выводу, что выражение категории времени во всех европейских языках (SAE, Standard Average European) имеет лишь незначительное различие. Трехвременная система глагола в SAE оказывает большое влияние на представление о времени людей, говорящих на этих языках. Она основана на объективизации субъективного восприятия действительности, т.е. мы можем с ее помощью мысленно представить себе систему прошедшего, настоящего и будущего времени в объективизированной форме точек на линии.

В своей речи люди, говорящие на SAE, не просто ориентируют событие относительно момента речи, но и делят время на определенные фазы, циклично повторяющиеся промежутки времени – summer, winter, September, morning и т.д. Эти слова, выражающие протяженность во времени, по форме мало чем отличаются от других существительных и могут употребляться в функции подлежащего и дополнения.

Б.Л. Уорф отмечает, что для SAE характерно метафорическое описание понятий времени. Употребляемые при этом метафоры – это метафоры пространственной протяженности. Например, в английском языке для обозначения длительности используются слова long и short, являющиеся характеристиками пространства. Неметафорические средства выражения временных понятий очень немногочисленны (early и late) и не могут быть достаточными. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело

с объективизацией – мысленным представлением качеств как пространственных, хотя они не являются на самом деле таковыми. Качества и способы исчисления, применяемые для характеристики видимого пространства, переносятся на абстрактные понятия (в данном случае время) и создают в сознании говорящего воображаемое пространство.

Такое объективизированное представление о времени соответствует историчности и всему, что связано с регистрацией фактов. Время для носителей SAE предстает в образе свитка, разделенного на равные отрезки, которые должны быть заполнены. Поэтому для культур языков SAE важна датировка, календари, летописи и хроники, записи, дневники, бухгалтерия. Объективизированное время простирается одинаково как в прошлом, так и в будущем. Для измерения прошлого и будущего используются одни и те же единицы, что говорит о восприятии времени как чего-то однородного и пропорционального по отношению к какому-то числу единиц. В полном соответствии с категориями европейских языков находится экономическая система, основанная на стоимости, соотношенной со временем. Как отмечает Б.Л. Уорф, «трудно сказать, возможна была бы или нет цивилизация, подобная нашей, с иным лингвистическим пониманием времени; во всяком случае, нашей цивилизации присущи определенные лингвистические категории и нормы поведения, складывающиеся на основании данного понимания времени, и они полностью соответствуют друг другу» (Уорф, 2003: 192).

Современное критическое осмысление гипотезы лингвистической относительности отвергает самодовлеющую роль языка при образовании картины мира (Б.А. Серебренников). Рациональное зерно гипотезы состоит в утверждении того, что разные языки содержат разные классификационные схемы, по-разному отражающие мир. Как отметил Э. Бенвенист, временная система языка не воспроизводит в точности природу «объективного» времени. Языки на самом деле предлагают нам лишь различные конструкции действительности. Именно в способе выработки сложной временной системы языки отличаются друг от друга более всего (Benveniste E.,

2004: 69). Однако говорить о том, что язык полностью детерминирует познавательную деятельность, было бы неверно.

Языковая картина содержит понятийные орудия и мыслительные средства, отражающие накопленный человечеством опыт. По мере развития общества эти орудия и средства эволюционируют. Они оказывают существен-

ное влияние на мировоззрение людей, но никогда полностью не подчиняют его себе. Как замечает А. Вежицкая, взгляды отдельного индивида никогда не будут полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые ему дает родной язык, частично оттого, что всегда найдутся альтернативные способы выражения (Вежицкая, 2001: 20). Нацио-

Таблица 1. Модели времени и их реализация на языковом уровне

Ученый	Модели времени	Характеристики моделей	Языковая реализация
В.Я. Мыркин	Хронологическое время	Объективное время событий	Даты, названия временных интервалов
	Релятивное время	Проявляется в понятиях «раньше – одновременно – позже»	При помощи наречий и предлогов («до», «после», «раньше», «недавно»), а также особыми глагольными формами (например, плюсквамперфект)
	Эгоцентрическое время	Связано с моментом осознания времени как настоящего, прошедшего и будущего	Специальные наречия («вчера», «tonight»)
Н.К. Рябцева	Физическое время	Является исходным, фиксирует события при помощи даты и превращает их в факты	Даты
	Метафизическое время	Сопоставляется с однопорядковыми сущностями (материей, пространством, движением), осмысливается (рационализируется, опредмечивается) и вписывается в объективную картину мира, объединяя ее фрагменты и придавая ей целостность и законченность.	Названия временных интервалов
	Бытовое время	Предстает как ценный, невозполнимый ресурс, подчинено субъекту	Выражения «тратить, беречь, выкраивать время»
	Духовное время	Характеристиками являются трансцендентность, феноменологичность, космопланетарность, сакральность, абсолютность.	Лексемы «миг», «вечность» и т.д.
Е.С. Яковлева	Рациональное / аналитическое время	Характеризуется рациональностью и внеположенностью (т.е. взглядом со стороны, невключенностью субъекта в объект описания). Это время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба.	Лексема «момент»
	Исключительное / надбытовое время	Интерпретирует «внесрочные», уникальные, особо значимые события. Причастность субъекта речи к предмету описания обуславливает особую эмоциональность надбытового времени.	Лексемы «миг», «мгновение»
	Бытовое / повседневное время	Описывает повседневность. Оно принадлежит человеку, измеряется, планируется, переживается.	Лексемы «минута», «секунда»

нальные особенности языка не создают для его носителей неповторимую картину мира, совершенно отличную от объективной и непонятную для других этносов. Это скорее специфическая «окраска» этого мира, обусловленная национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа (Маслова, 2006: 66). Таким образом, нельзя говорить о совершенно различном восприятии времени, детерминированном языком разных этносов. Однако каждая культура имеет свои особенности осмысления данного феномена.

Данный факт прежде всего сказывается в области наивных представлений о времени. «Привязанность» языковой картины к языку обуславливает ее относительную стабильность, поэтому в ней долгое время сохраняются следы ошибок и заблуждений. Подобный подход определил появление нового термина – языковая наивная картина мира (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия), которая представляет собой оязыковленное сочленение знаний «обычного» человека о мире, в котором он живет и действует, которое порождает зачастую наплывающие друг на друга части этих знаний (Телия, 2002: 91). Элементы наивной картины мира не являются непосредственным отражением фактов объективной реальности, а даны через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как они представлены в данном языке (Апресян, 1986: 6). В отличие от научной наивная картина мира в каждом языке может быть своя.

Наивная концептуализация времени находит отражение прежде всего на семантическом уровне. Как утверждает Л.Н. Михеева, «каче-

ственное, ценностное осмысление времени частично находит отражение в темпоральных лексических единицах, но более полное и глубокое толкование, менее однозначную оценку народные представления нашли в речевых формулах, а также пословицах и поговорках как законченных высказываниях на тему времени» (Михеева, 2006: 60). В таблице 1 рассмотрена лексическая реализация моделей времени.

Как это показывают В.Я. Мыркин, Н.К. Рябцева, Е.С. Яковлева, семантика темпоральной лексики отражает различные уровни представлений о времени, отношения к нему, «наивную философию времени». Модели различных авторов вполне соотносимы друг с другом. Хронологическое время В.Я. Мыркина совмещает физическое и метафизическое время Н.К. Рябцевой и соотносится с аналитическим временем Е.С. Яковлевой. Бытовое время у Н.К. Рябцевой аналогично бытовому / повседневному времени Е.С. Яковлевой.

Подводя итог, необходимо отметить, что время как часть языковой картины мира изучалось в филологических науках прежде всего как грамматическая категория глагола. Данный подход ярко представлен в трудах представителей теории лингвистической относительности Б. Уорфа и Э. Сепира, считавших, что наши представления о времени детерминированы грамматическими структурами нашего языка. Современная критика данной теории отвергает полную зависимость мышления от языка, считая, что правильнее было бы говорить о специфической окраске мира. Подобная специфическая окраска мира отражается в наших наивных представлениях о времени, которые можно выделить на основе семантического анализа темпоральной лексики.

Список использованной литературы:

1. Вежицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
4. Михеева Л.Н. Время как лингвокультурологическая категория. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 96 с.
5. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 78-95.
6. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ, 2003 – С. 127-138.
7. Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983.
8. Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку. – М., 2002.
9. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Языки как образ мира. – М.: АСТ, 2003 – С. 157-201.
10. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999.- №1. – С. 3-16.
11. Яковлева Е.С. Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
12. Benveniste E. Le langage et l'experience humaine // E. Benveniste. Problemes de linguistique generale, 2. – Gallimard, 2004. – pp. 67-78.

Статья поступила в редакцию 20.08.07